

На следующее утро, отправив двух девочек в школу, Минлань распорядилась подать завтрак. Обычно утро молодой матери было очень загруженным, поскольку маленький пельмешек требовал внимания, но в этот раз он спал. Ночью он был возмущён тем, что его мать не уделила ему внимания, поскольку была занята его отцом. Он был очень зол, и отказывался спать со своей кормилицей большую часть ночи, поэтому заснул только сейчас.

Внезапно бездельничающая Минлань испытала скуку. Она медленно жевала мягкий пирог, её миска с кашей успела остыть, так лениво она зачёрпывала ту ложкой, но она всё равно не торопилась заканчивать завтрак. Внезапно служанки сообщили, что к ней пришли посетители. Встрепенувшись, Минлань быстро отложила приборы и встала.

— Пятая сестра по-настоящему редкий гость! Старшая сестра бывает здесь намного чаще! — тут же поприветствовала вошедших она. — Я с нетерпением жду ваших визитов! Проходите и садитесь, не нужно лишней вежливости!

Минлань оглядела Жулань, которая выглядела не так, как обычно. Сейчас стояла ранняя зима, так что погода была не слишком холодной, но Жулань уже надела атласный плащ, подбитый мехом горностая, на котором были вышиты красные цветы и бабочки. Её волосы были забраны в сложную причёску «двукрылого феникса», и украшены большой шпилькой из красного золота, инкрустированной рубинами. На её шее висел нефритовый кулон, а в ушах были изумрудные серьги. На запястьях также красовалась пара широких золотых браслетов, украшенных жемчугом. Некоторое время комната была наполнена лишь перезвоном украшений.

Покачив головой, Минлань поспешно приказала служанкам принести чаю.

— Вы — жена хоу, — надувшись, тихо произнесла Жулань. — Я не осмеливаюсь просить вас побывать в моём травяном гнёздышке, поэтому мне пришлось прийти самой.

— Разве ты не предлагала мне пожить у тебя в прошлый раз? — вскинув брови, весело спросила Минлань. — Говорила, что там у меня не будет проблем со свекровью!

— Ты слишком несерьёзно относишься к вежливости, — реакция Жулань как всегда была молниеносной. — И постоянно вынуждаешь меня принять вызов!

— Если снимешь всё это, тогда сможешь доказать, что сказанное — правда! — намекая на кучу украшений, пошутила Минлань. Две сестры очень хорошо знали друг друга.

— Прекратите всё это, я ещё даже не села, а уже вынуждена слушать, как вы спорите! —

торопливо одёрнула их Хуалань. — Сколько вам лет! Скоро уже сами сможете стать свекровьями, а всё ещё ведёте себя, как девчонки! — она повернула голову к молодой девушке позади Жулань. — Сицюэ, поторопись и приведи кормилицу с малышкой, чтобы шестая тётушка смогла на неё посмотреть! Даньдзю, быстро попроси кого-нибудь принести братца Туана! Ах, простите, ведь эти двоюродные брат и сестра ещё ни разу не видели друг друга!

Жулань неохотно села, кивая Сицюэ, чтобы та принесла ребёнка. Минлань, улыбаясь, тоже села.

По сравнению с Хуалань Жулань почти никогда не бывала в поместье семьи Гу, и не слишком-то охотно принимала гостей у себя. Она думала, что её дом слишком прост, и боялась сравнения, поэтому не хотела, чтобы Минлань приходила к ней. Когда её приглашали в поместье Чен, смотря на величественное поместье и богатые украшения, она ощущала себя некомфортно. В её горле пересыхало, и она пребывала в очень ранимом и запутанном состоянии.

Сицюэ забрала девочку из рук кормилицы позади. Та была уже достаточно самостоятельна и немного вспыльчива, поэтому громко заявила:

— Я пойду сама!

Шаги её были тверды и, хотя она редко видела множество незнакомых людей, она не боялась и не смущалась. Сегодня Жулань привела к ней свою дочь, к этому Минлань не была готова, но она всё же улыбнулась и подмигнула Даньдзю. Поняв, что от неё требуется, та вошла во внутренние комнаты и нашла новый красный кошелёк, в который положила подвеску из тёплого драгоценного белого нефрита. Подумав. Она взяла также связку маленьких золотых скорпионов, небольшую шкатулку, наполненную благовониями из бегонии, и вернулась в комнату.

В это время Минлань уже сидела, держа на руках маленькую девочку, и ласково общалась с ней:

— Ты так хорошо выглядишь, как тебя зовут?

— Меня зовут Гуйцзе, — чисто и ясно ответила девочка, хорошенькая, как маленькая фарфоровая куколка.

Минлань погладила её по голове, взяла то, что держала Даньдзю.

— Это для тебя, — мягко произнесла она. Та кивнула и протянула пару маленьких белых, словно нефрит, рук, чтобы взять предложенное, и произнесла:

— Спасибо, шестая тётя!

Её голос был детским и милым, Минлань это очень нравилось. Она попросила служанок принести ей что-нибудь сладкое, чтобы перекусить, и принялась расспрашивать о том, с кем она общается в будние дни, что ей нравится есть, чем любит заниматься. Маленькая девочка ещё не могла строить длинные предложения, но её слова были очень чёткими.

— Этот ребёнок немного похож на малышку Чжуан, она хорошо себя ведёт и разумна, — повернув голову, похвалила Минлань.

— Когда моя Чжуан была такой же малышкой, её жизнь была очень нелегка, — вздохнула Хуалань, дую на чай. — Её бабушка не хотела видеть её, хотя она была очень разумной и быстро понимала, что к чему, несмотря на то что у её родителей было мало времени на неё. Как она может быть такой же, как Чжуан? Её свекровь и тётя смотрели на неё свысока, но она была такой вежливой и великодушной!.. — говоря это, она качала головой снова и снова.

Неподалёку Жулань, склонившись над люлькой, тискала Туаня и целовала его личико.

— Вы только послушайте, что говорит моя старшая сестра! — сердито сказала она, подняв голову. — Ты думаешь, с моей свекровью легко уживаться? Сегодня она немного мне напакостит, завтра ещё немного, и так изо дня в день! Ненавижу! Если бы я не сохраняла бдительность, то не знаю, как жилось бы моей дочери!.. Ах, этот малыш всё ещё спит и совсем не хочет просыпаться!

Сама она родила дочь, поэтому очень редко видела маленьких мальчиков. Подсознательно она понимала, что малыш Туань — очень суетливый. Он был крупный и очень отличался от нежной и деликатной девочки. Он казался ей маленькой мягкой гирей.

— Этой ночью было очень шумно, поэтому он почти не спал. Он заснул совсем недавно, — улыбнувшись, сказала Минлань.

Малыш Туань очень крепко спал. Как бы его ни обнимали и не тормошили, он не просыпался. Он мог спать даже тогда, когда его внезапно переворачивали вниз головой.

Хуалань вытянула шею, чтобы как следует разглядеть его, и увидела, что в люльке на красных простынях спит толстая белая кукла.

— Этот мальчик такой славный. Двое моих сыновей просыпались, если их пошевелить, — со смехом сказала она. — Все служанки говорили, что таких непросто воспитывать, потому что нужно всё время быть начеку.

На большинстве встреч у замужних женщин было всего несколько тем для разговоров, и Минлань на самом деле это немного утомляло. После того как они вдоволь насмотрелись на её сына, Минлань приказала унести его, а Сяотао — забрать маленькую девочку на улицу и поиграть с ней. Затем три сестры закрыли двери и болтали. Они обсудили священные писания о воспитании детей и их отцов. Вовремя разговора, смотря на одетую в роскошные одежды

Жулань с румяным лицом, Минлань думала о том, что у неё сейчас всё очень хорошо, несмотря на все неудобства, которые ей приносила свекровь. Во всяком случае, жилось ей точно лучше, чем Хуалань в прошлом.

Хуалань же, будучи матерью троих детей, которой было под тридцать, не выглядела стареющей женщиной. Её кожа блестела, губы были розовыми, и исчезла обеспокоенная складка между бровями. Говорят, что тридцать с лишним лет для женщины — словно водораздел. Если он не пройден хорошо, то она быстро увянет и постареет. Но если в это время всё будет хорошо и она сможет позаботиться о себе, то она будет подобна цветку барвинка, чей аромат со временем лишь становится гуще.

Несмотря на то что Хуалань была одета в довольно простые одежды, расшитые цветами, и в однотонную плотную юбку, на ней не было почти никаких украшений, она всё равно выглядела великолепной и сияющей, и, казалось, даже затмевала украшенную драгоценностями Жулань.

— ...Не только своим носом и глазами, эта девочка во всём похожа на своего отца. Она уже хорошо умеет читать, легко запоминает стихи, и способна выучить их, если прочесть их всего дважды. Увы, многие люди не понимают, зачем ей это, и не одобряют моих действий. Они такие злые и скучные!

Всё, что нужно было сказать, уже было сказано, беседа уже подходила к концу, но Хуалань, в очередной раз услышав гордые и хвастливые слова Жулань, не смогла не вмешаться:

— Хорошо, давайте сменим тему.

Несмотря на то, что её прервали, Жулань не рассердилась. Наоборот, её лицо стало ещё более самодовольным.

— Мой муж будет переведён в провинцию, — повернувшись к Минлань, сказала она.

— Он едет в Фуцзянь? — поражённая услышанным, недолго думая выпалила Минлань.

Теперь настала очередь Жулань удивляться.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышала об этом от хоу, — с улыбкой очень быстро ответила Минлань, замахав руками. — Он говорил, что в провинции Фуцзянь недавно что-то произошло. Кажется, из-за дела о мошенничестве император уволил многих чиновников и теперь ему нужно их заменить.

— Он много тебе рассказывает, — Хуалань удивлённо взглянула на Минлань.

— О, неужели мой зять много скрывает от старшей сестры? — сердито ответила Минлань.

— Какая ты непослушная! — улыбнулась Хуалань.

Сейчас противоречия чиновников между двумя реками Хуай достигли апогея. Общая боевая тактика в этой ситуации такова: когда основное поле боя временно находится в тупике, для отвлечения высылаются пушечное мясо. Также обстояли дела с посланником в провинцию Фуцзянь, которого лишили власти. Он много лет был чиновником, и его родственники и ученики были сильно вовлечены в текущую ситуацию. Пушечное мясо произвело много мелкого корма...

Имея возможность уехать от свекрови стать единоличной главой семьи, Жулань не могла скрыть радости.

— Поскольку речь идёт о Фуцзяне, никто особенно не хочет ехать туда. Но мой старший брат и старшая невестка отправились в это пустынное место, так что и я смогу пережить это, стиснув зубы!

— Хорошо иметь возможность выехать куда-то и увидеть пейзажи мира, — искренне поздравила Минлань. — Пятая сестра, позволь поздравить тебя первой!

Жулань, которая была очень счастлива, с благодарностью кивнула.

— Спасибо вам за всё, — улыбнувшись, произнесла она. — Я привезу вам что-нибудь из Фуцзяня, — затем она неожиданно сморщила нос и проворчала. — Мой муж решил забрать меня с собой, а эта старая благочестивая... — увидев свирепый взгляд Хуалань, она быстро изменила свои слова. — Моя свекровь всё ещё хочет, чтобы я осталась и прислуживала ей здесь!

— Разве зять может колебаться? — слегка закусив губу, а затем злобно улыбнувшись, спросила Минлань. — Как он может расстаться с пятой сестрицей, если у него ещё не родился сын?

Услышав это, Жулань покраснела и смутилась и, встав, подошла, чтобы несколько раз ударить Минлань по руке.

— Разве не лучше и в этот раз родить дочь? — засмеявшись, пошутила Хуалань. — Если ты родишь сына, то свекровь сможет либо оставить подле себя свою старшую невестку, либо своего старшего внука!

— Кто бы мог подумать, что моя сестра такая коварная! — очаровательным голосом произнесла Жулань. — А ведь она кажется такой хорошей!

— Не говори так!

Посмеявшись некоторое время, Жулань схватила Минлань за воротник и несколько раз повторила:

— Я не знаю, получится ли! Никому не рассказывай!

Минлань кивнула головой, как дятел, Жулань отпустила её и повернулась, чтобы посмотреть на свою старшую сестру.

— Старшей сестре тоже нельзя никому ничего говорить! Как говорит мой муж, нужно быть осторожным во всём!

— Тц-тц-тц, мой зять так хорошо умеет помещать обезьяну-внука к подножию горы Пяти Элементов, поэтому моя упрямая пятая сестра стала такой послушной? — вместо того чтобы ответить нормально, поддразнила её Хуалань.

Жулань была так смущена, что уже собиралась наброситься на неё, но Минлань вовремя схватила её за руку и принялась уговаривать:

— Не беспокойся о старшей сестре, она самая разумная из нас. Она просто любит подшучивать над своими младшими сёстрами!

Она очень переживала за свой сервиз, в этот раз принесённый для гостей. Это был высококачественный драгоценный фарфор, только что выпущенный из Королевской печи Сунси. Во всём доме есть только один такой сервиз. Если Жулань разобьёт его, она точно расплатится!

Видя, что её младшая сестра очень рассержена, Хуалань улыбнулась и произнесла:

— Ладно, не сердись на свою старшую сестрицу. Вчера мой муж принёс много свежих грибов, они все были очень вкусными. Я пришлю немного, чтобы вы могли попробовать.

Услышав это, Жулань сердито фыркнула, а Минлань, вспомнив кое-что, с подозрением произнесла:

— Разве мой старший зять не последовал несколько дней назад за настоятелем храма Тайпу, чтобы выбрать лошадей для солдат? Он так быстро вернулся?

Три дня назад Хуалань приходила к ней, чтобы поплакаться на тему «боль от разлуки мужа и жены» с видом молодой женщины, недавно вышедшей замуж и вынужденной провожать мужа на войну.

— Я получила грибы прошлой ночью, — Хуалань изо всех сил старалась выглядеть так, будто

всё в порядке. На этот раз даже Жулань уловила, что что-то не сходится.

— Разве храм Тайпу так близко к столице?

— Он встретил несколько торговцев, увидел, что эти грибы очень хороши, поэтому купил немного и вернулся, чтобы принести их мне, — мило улыбнувшись, произнесла Хуалань.

— Он мог просто попросить слугу передать их, зачем было самому возвращаться обратно? — издав очень странный звук, спросила Минлань.

— Я сказала тоже самое, но мой муж... — Хуалань выглядела одновременно и застенчивой, и гордой. — Он так торопился, что загнал свою лошадь! Поговорив со мной немного, он поторопился вернуться назад, чтобы выполнить поручение!

— Провести столько часов в дороге, чтобы просто увидеть тебя? — недоверчиво переспросила Жулань. — Разве мой зять не видел тебя?

— Он сказал, что ему внезапно захотелось увидеть меня, — голос Хуалань был едва слышен, казалось, она витала в облаках.

Минлань, уже много раз слышавшая что-то подобное, спокойно продолжила держать чашку чая и разглядывать крышку. Хуалань действительно дочь своей матери — её яркая натура никогда не исчезнет. К тому же, когда люди среднего возраста влюбляются, это подобно пожару в старом доме.

Жулань же впервые увидела сестру такой и была ошеломлена. Когда семья Ван жаловалась младшей дочери на проступки старшей, она считала их неразумными. Но теперь она понимала.

— Я тоже замужем, и я хорошая жена, не то, что сестра, тебе должно быть стыдно, — сказала она и, поразмыслив немного, с подозрением спросила. — Неужели ты хочешь родить ещё одного ребёнка?

— Дорога тяжела, — повернувшись к ней, произнесла Хуалань. — Пар уже начинает вырываться изо рта, морозно. Если никто не будет готовить еду и подавать горячую воду, будет плохо. Я буду чувствовать себя непринуждённо, если выберу честного человека, который сможет служить ему в дороге. Но что было бы, если бы все были такими же ревнивыми, как ты? Как только ты услышала, что твой муж собирается уезжать, ты тут же побежала к нему и рыдала, стоя под дождём. Как хорошо, что у тебя крепкое здоровье и ничего не произошло!

— О, что дальше? — настроение Минлань поднялось: она почуяла сплетни.

— Не слушай глупости, которые она говорит! — рассердилась Жулань.

Три сестры продолжали болтать, шутить, толкать, щипать друг друга и смеяться ещё некоторое время. Затем Минлань попросила суш накрыть стол и принести хорошего вина, и они продолжили общаться до тех пор, пока не стало уже слишком поздно.

Хуалань и Жулань встали, чтобы попрощаться, когда Гуйцзе начала засыпать на руках у Сицюэ и потирать глаза маленькими кулачками.

Едва они сели в повозку, Хуалань тут же облокотилась на циновку. Она была счастлива в эти дни, но много пила. Поскольку и сегодня она уже выпила более, чем достаточно, ей всё ещё очень хотелось поговорить.

— Вспомни о прошлом. Когда ты разговариваешь с мужем, тебе не стоит лезть в его рабочие дела. Ты должна хорошо исполнять свои обязанности жены. Сейчас ты ещё молода, даже если ты совершишь ошибку, не забывай, что ты всё ещё можешь её исправить. Наша мать много натерпелась за свою жизнь из-за своей глупости, слушая чужие льстивые слова, принимала подарки и вынуждала отца делать то и это...

— Сестрица, не волнуйся, — прислонившись к стенке повозки, Жулань прикрыла глаза, словно собиралась спать. — Я не буду такой же, как наша мать...

Минлань, вернувшись в комнату, увидела Туаня, лежащего на спине с широко распахнутыми глазами. Минлань хотела было притвориться, что не видит этого, и уйти, чтобы вздремнуть, но маленький пельмень был зорким и очень обрадовался, когда увидел свою мать. Он сразу же захлопал в ладоши и раскрыл руки, чтобы его обняли.

Минлань легла на кровать с сыном на руках, и не смотря на слабость от выпитого алкоголя, не могла так просто отмахнуться от маленького пельменя, поэтому ей оставалось только поддразнивать его, похлопывая:

— Не спит, когда ему говорят спать, и спит, когда нельзя спать, даже если его перевернут вниз головой! Твоя пятая тётя так редко приходит, а ты даже не открыл глаз! Теперь, когда твоя мать устала, ты не хочешь их закрывать!.. Маленькая племянница так хороша собой, такая воспитанная, а ты маленький поганец, который не слушается...

Обдумывая беседу, случившуюся между сёстрами, Минлань была немного рассеянной.

Возможно, Хуалань была нормальной представительницей древней аристократии. Она подарила мужу наложницу и помогала ей, чтобы та могла ему служить, что не только улучшило её репутацию, но также показало её статус. Купить нескольких наложниц в эти дни было словно купить машину. Человек, у которого нет машины в стоимость сто тысяч юаней, стесняется выходить на улицу и встречаться с людьми. Хотя госпожа Чжен и генерал Чжен — гармоничная пара невероятной редкости, в их доме всё же есть несколько наложниц,

некоторые из которых были подарены ей самой.

Семья Шен — это нечто особенное.

Из-за огромного шторма, вызванного наложницей Линь, у женщин семьи Шен была глаз намётан на таких существ, как наложницы. Женщины, которых послала пожилая госпожа Юань, теперь были убраны Хуалань, и остались только «бракованные товары», которые носят чисто декоративный характер, или те, у которых совсем нет власти.

Жулань и Хуалань были совершенно разными. Их родная мать каждый день скрипела зубами от злости на протяжении многих лет, пока наложница Линь плела интриги. Она благополучно родила двоих детей, Молань была красива и талантлива, отец долгое время любил её больше всех, и больше всех прочих любил её мать. Она почти отобрала все права, которые по закону принадлежали Ван Ши.

Никто не знал, как им было больно, когда они были маленькими. Три сестры собрались сегодня, смеясь и болтая, и чувствовали себя очень комфортно, но никто никогда не упоминал Молань, включая саму Минлань. Они были готовы забыть её, но не могли так легко простить.

Но Жулань, на самом деле, повезло. Из-за того что в детстве она снова и снова подвергалась подставам и критике, она, наконец, научилась сдерживать свой гнев и думать головой. Девушка из семьи Вень служила Вень Янцзину с детства. Когда Жулань была беременна, госпожа Вень предложила принять эту девушку в наложницы, утверждая, что о её сыне некому позаботиться, и говорила при этом так, будто это ожидаемое развитие событий.

Но Жулань среагировала сразу же. Она понимала, что подобное развитие событий совершенно недопустимо. Такая девушка, которая служила с детства, и, хоть и не имела любви своего господина, всё же имела его привязанность. Она поняла, что не сможет полностью её контролировать.

В тот раз Жулань была спокойна, как никогда, и молча стояла, напоминая скорбящего солдата.

От Ван Ши Жулань узнала, что она может использовать власть своей семьи, чтобы поставить на место многих, даже свою свекровь, но она никогда не сможет использовать её для принуждения своего мужа.

Плача под дождём, она была просто ревливой и ошеломлённой маленькой девочкой, глубоко влюблённой в своего мужа и не представляющей, как выпутаться из этой ситуации. Больше всего она боялась, что сердце её мужа переменится, и она не знала, что делать в таком случае. Все правила и этикет были забыты, и она повела себя как ребёнок, отправившись рыдать под дождём.

Вень Янцзин был очень тронут, и чувствовал, что ему невероятно повезло получить такую глубокую привязанность, и думал, что, вероятно, заслужил это в своих прошлых жизнях. На

следующий день он принял в наложницы девушку, которую Жулань лично выбрала из служанок, которые были в её приданом, но даже не прикоснулся к ней.

Жулань выиграла эту битву. В глазах мужа она была добродетельной женой, глубоко любящей своего мужа. Хотя сердце её было переполнено печалью, потому что никто не заботился о её чувствах, она выносила и подарила мужу ребёнка. Разве такая как она может ревновать?..

Госпожа Вень была недовольна внешностью принятой наложницы, но невестка и тёща из семьи Шен были не так-то просты. Первое предназначение наложницы — служить господину, второе — родить ребёнка. Здоровье, честность и доброта были более важными критериями, чем внешность. Если ты хочешь красивую женщину, способную развлечь тебя и умеющую очаровывать мужчин, то почему бы тебе не пойти в бордель? Увлечение молодого господина чтением лишь усилилось, так что сердце госпожи Вень было беспокойно.

Семья Вень изначально была фермерской семьёй, и слухи по её членам распространялись быстро. Даже пожилые жёны и тёти были возмущены её поведением (стать учёным не так уж и легко!), и все они утверждали, что госпожа Вень уже слишком стара и не понимает, что хорошо, а что плохо. Госпожа Вень так разозлилась, что едва не умерла от злости.

Что касается наложницы, которую приняли... В руках Жулань были жизни её родителей и братьев, и она вела себя тихо, опасаясь, что из-за опрометчивых действий пострадает вся её семья.

После множества лет, и множества испытанных ударов судьбы, бесшабашная неуклюжая маленькая девочка, которая лишь злилась, кричала и сжимала кулаки, и не могла бороться со своей хитрой властной сестрой, превратилась в женщину, которая научилась планировать свои действия.

Минлань была немного разочарована, будто самая невинная часть её окружения безвозвратно исчезла.

В патриархальном обществе мужчины устанавливают правила, пишут предписания и облачают их в сложную форму. Если женщины хотят выжить в этом мире и жить хорошо, они должны отказаться от своего изначального облика, данного Небесами. Отшлифовывая полезные качества раз за разом, закаляя их снова и снова, они надевали идеальные маски мягких, кокетливых, утончённых, отчаянно влюблённых, вгоняя свой истинный характер в необходимую форму.

Думая об этом, Минлань неожиданно улыбнулась.

Соученики Баоюя не были согласны с тем, что относятся к женщинам несправедливо. Он был обижен, и будучи мужчиной, отказывающимся играть по правилам древнего мира, он мог стать только монахом. Размышляя о древних временах, Минлань поняла, что не только женщины не могли делать, что хотели, но и мужчины.

Хотя Гу Тинье, будучи горячим и своенравным господином из семьи аристократов, всё-таки сумел добиться положения Гу хоу.

А ещё был тот нежный красивый мальчик, который использовал лепестки цветов вместо закладок для книг. Она слышала, что он вот-вот станет отцом. Сейчас он стал ещё более утончённым, и его даже начали больше ценить старейшины.

Теперь, когда он пройдёт под ветвями с осыпающимися цветами, он не остановится ни на шаг, легко отряхнёт с плеч лепестки, и продолжит двигаться вперёд.

Путь чиновника похож на дорогу Ашуры, где повсюду бесчинствуют демоны, вынуждающие путников пробираться сквозь чистилище нагими.

Минлань проснулась. Над ней было бледно-коричневое лицо Гу Тинье. Она не знала когда он вошёл, но сейчас он стоял рядом с ней, опираясь одним коленом о кровать, и нагнувшись, и спокойно наблюдая. Минлань в оцепенении моргнула.

— Спит? — голос мужчины был низким.

Минлань кивнула, её голова была всё ещё тяжёлой после сна. Она интуитивно повернула голову только для того, чтобы увидеть, как маленький пельмень сопел, раскинув руки.

— Что тебе снилось, раз ты так грустно плачешь? — спросил Гу Тинье, его пальцы коснулись её лица, мокрого от слёз.

Минлань посмотрела на изголовье прекрасной резной кровати и внезапно почувствовала удушье без всякой причины. Она пересела, разворачиваясь к нему спиной, и прошептала:

— Я забыла...

Некоторое время Гу Тинье стоял, ошеломлённый, а затем обнял её со спины, прижавшись сбоку к её шее носом. Его тёплое влажное дыхание коснулось её кожи.

— Тогда ты плохо себя чувствуешь?

Минлань не хотела говорить, поэтому поджав под себя ноги и свернувшись в позу креветки, ответила:

— Нет, всё хорошо.

— Твои сёстры приходили выпить. Что такого они сказали, что это сделало тебя несчастной? —

нахмурившись, Гу Тинье протянул руку, чтобы развернуть её лицо.

Возможно, всё дело было в вине, но Минлань внезапно так разозлилась, что стряхнула большую руку со своего подбородка.

— В какие игры ты играешь? Когда ты возвращаешься пьяный, разве я спрашиваю тебя, не переставая? — вспыхнула она. Когда он возвращался расстроенным или пьяным, она никогда не задавала ему бесконечных вопросов, если он не хотел отвечать, только тихо находилась рядом, или мягко подбадривала его нежными словами. Какая же она была чуткая!

В глазах Гу Тинье появился некоторый интерес. Его руки сжались в кулаки, и он продолжил спрашивать.

— Вы поссорились?

— Нет.

— Твоя старшая сестра сделала тебе выговор?

— Я же попросила хоу оставить меня в покое!

— Твоя пятая сестра должна тебе денег? — она слышала улыбку в его голосе.

— Ты такой непослушный!

Когда она вообще плакала из-за того, что ей не вернули денег, которые у неё заняли! У Минлань кружилась голова из-за выпитого алкоголя, сознание становилось всё более и более запутанным. Ей хотелось просто вышвырнуть его из постели!

Одна дрожала от злости, другой радовался, Туань в углу кровати всё ещё спал, пуская слюни. Ругань парочки продолжалась до тех пор, пока они не выключили свет. Минлань даже не могла вспомнить, как она обедала, так что в оцепенении упала на постель, думая о том, как же ей всё-таки хватило сил, чтобы держать сына.

Глубокой ночью, когда маленький пельмень соизволил проснуться, Минлань мрачно обнимала подушку, наблюдая за тем, как Гу Тинье дразнит маленького поганца. Он слишком долго спал днём, поэтому теперь был переполнен энергией и весело брыкался.

— Какого чёрта ты плакала? — спросил Гу Тинье. Он всё ещё помнил.

В этот момент Минлань уже полностью проснулась, собралась с мыслями и выдала ему

приемлемый лаконичный ответ.

— Все мои сёстры так выросли и постепенно становятся всё более разумными. Они перестают быть похожими на тех, с кем я бездельничала, когда была ребёнком. Какая жалость, что их истинный характер прячется всё глубже!

Гу Тинье вытащил пухлую руку своего сына изо рта.

— Глупая девчонка, — сказал он. — Разве ты уже достаточно стара, чтобы вспоминать, как играла, когда была ребёнком? — он приподнял маленького мальчика на руки и, держа его над Минлань, в шутку продолжил. — Если этот ребёнок будет попадать в беду каждые три дня, например, сегодня ударит сына семьи Дун, а завтра даст пощёчину сыну семьи Си, ты будешь довольна?

Маленький пельмень радостно захихикал, не подозревая, что в данный момент его используют в качестве отрицательного примера. Классические образы детей богатых семей и мальчиком-плейбоев тут же возникли в голове Минлань.

— Как это возможно?! — тут же нахмурилась она.

— Хорошо, что ты так думаешь, — Гу Тинье почесал нос Минлань. — Так называемый истинный характер — это делать то, что ты должен делать, то, что следует сделать, ненавидеть зло и вражду, и отличать правильное от неправильного. Когда вы невежественны и глупы, это можно расценивать как истинный характер.

— Я не это имела в виду, — прошептала Минлань. — Я хотела сказать, что не нужно скрывать свой настоящий характер, а не что нужно делать, что хочешь...

— Не говори больше об этом, — перебил её Гу Тинье. — Мы рождаемся невежественными, и живём невежественными всё детство, но мы взрослеем, познаём правду, учимся понимать, что хорошо, а что нет, и познаём мир. И, естественно, понимаем, что есть множество вещей, которые в этом мире нельзя делать. В возрасте трёх лет детям очень интересно протянуть руку и взять в руки пищу, которая является для них редкостью, или захотеть чужие богатства и шелка. Видя это, ребёнок будет просить об этом. Это проявление истинного характера? Ты так думаешь?

Минлань кивнула, её сердце успокоилось — она поняла, что бессмысленно пытаться донести до него свою мысль. Подумав о детстве Гу Тинье, она не знала, смеяться ей или нет.

— Тогда... Бить людей и чавкать, разве это не было великими достижениями детства хоу Е?

— Это было отвратительно, но полезно, — Гу Тинье ничуть не колебался.

Минлань разочарованно закатила глаза.

Прилив сил у малыша длился недолго. Удерживаемый сильными руками отца он некоторое время неистово топал и пищал, но затем его начало клонить в сон. Гу Тинье бережно положил сына на кровать и тихо произнёс:

— Обучать словами не так эффективно, как обучать действием. Чтобы быть старшим, вы должны подавать пример, чтобы детям было, у кого учиться.

Минлань на мгновение остолбенела, но, обдумав его слова, зауважала его. Мужчина рядом с ней словно стал выше ростом. Раньше она думала, что велика только материнская любовь, но существовали также и отцы, которые рано бросили курить и пить ради своих детей, и упорно трудились, чтобы заработать денег. Это также было удивительно.

— Не лезь на рожон, не обращай внимания на то, насколько лжив и изощрён внешний мир, — Гу Тинье погладил сына по голове и посмотрел на Минлань. — Пока наша семья вместе, наши сердца едины, и мы сильнее всех на свете.

...Семья.

Глаза Минлань вспыхнули, она опустила голову и тихо запела колыбельную.

У Минлань почти вошло привычку размышлять о мыслях своего босса, но в последнее время она немного беспокоилась о Гу Тинье.

Когда она была послушна и покорна, он не был счастлив, когда она сердилась, он радовался. Несколько раз, когда она ясно говорила, основательно подходила к решению проблемы и делала что-нибудь, не совершая ошибок, у него было отвратительное лицо, будто она была человеком, который задолжал ему денег. Были времена, когда она испытывала досаду, и он был терпелив и внимателен, пытаясь сделать её счастливой.

Это было странно — этот человек раньше явно восхищался её глубоким чувством справедливости. Может быть, он изменил своим вкусам и перестал любить добродетель, и теперь отдаёт предпочтение непокорности? Минлань внезапно остро ощутила важность необходимости идти в ногу со временем.

Время летело незаметно, и видя, как изо дня в день становится холоднее, Даньдзю попросила людей подготовить различные печи и жаровни, их полировали и полировали одну за другой, а затем заносили в дом, где она снова протирала их уже самостоятельно. Минлань любила использовать эмалированную разноцветную ручную грелку из белого нефрита.

Новая зимняя одежда для обитателей поместья была сделана с иголки. Слуги, служанки и разнорабочие были одеты в толстые хлопчатобумажные зимние ханьфу, тонкие ватные накидки, толстые хлопчатобумажные брюки. Когда все прикоснулись к ароматной мягкой ткани, они были в восторге. Это был хороший материал, стоимость которого была больше, чем стоимость двух-трёх штук обычных комплектов одежды. Для главных управляющих внешним и внутренним двором сшили на заказ атласные одежды в доме Сянгунцзя, это был известный столичный магазин. Личным служанкам, в том числе павильона Линдин, доставили яркие новые шёлковые и атласные накидки.

Хао Дачен, главный управляющий, пришёл к Минлань, чтобы выразить свою благодарность.

«Братья попросили меня поклониться госпоже и за них. Госпожа относится к нам с невероятной добротой! В будущем мы будем служить ей ещё усерднее!» — сказал он.

Поручения, полученные до и после китайского Нового Года, являются самыми прибыльными. Несколько дней назад слуги, отвечающие за закупки, купили сотни килограмм древесного угля. Возможно, она была слишком жадной, но Минлань пристально следила за ними, и её осторожность оправдала ожидания — она поймала нескольких крупных крыс. Всегда существуя люди, жадные до льгот или выбивающие скидку. Среди них было двое. Один покупал множество подержанных общественных товаров без разрешения, другой выбирал магазины для их покупки. Они осмеливались покупать некачественный товар, но в отчёт вносили, будто всё было новым!

Отцы и деды этих двух управляющих долгие годы были слугами семьи Гу. Они были полны уверенности и наслаждались своим статусом. Минлань уже давно расставила для них сети. Это было почти также как ловля рыбы.

Минлань сидела у пруда с удочкой, а маленький пельмешек, лежащий в люльке рядом, думал, что происходит что-то хорошее и наблюдал за ней широко раскрытыми блестящими глазами. Сяотао с жалостью обнимала его, думая о том, что он совсем не знает своей дорогой матери, которая сейчас мило улыбалась, а недавно наказывала слуг. Минлань ожидала, пока рыба в пруду клюнет на её наживку, ожидая увидеть какую-нибудь жирную рыбину. Она уже представляла, как её будут жарить, варить, тушить... и есть!

Минлань прямо спросила с тех слуг признания. Тот, кто стоял впереди, быстро признал свою вину и показал своё хорошее отношение во время «исповеди». Старые и молодые члены его семьи долго валялись на полу, плача, воя и прося о пощаде. Старейшина семьи лично отлупил этого управляющего палкой. Минлань была великодушна, поэтому простила их и оказала им некоторую «милость», выплатив жалованье, а затем выставила всю их семью из поместья.

Другая семья была красноречива, притворялась честной и жалкой, но на самом деле только пыталась выгородить себя. Они даже довели пожилую женщину, служившую ещё бабушки Гу Тинье, до того, что она решила умереть, а не жить дальше. Они отрицали свою вину до тех пор, пока Минлань не продемонстрировала вещественные доказательства и не пригласила свидетелей. Она больше не обязана была быть вежливой и кротко сносить подобного рода издевательства от слуг. К наказаниям за новые грехи добавлялись наказания за старые

ошибки, скупулёзно записанные. Она либо продавала слуг, либо сурово наказывала. В столице было много людей, которые сидели за её действиями, так что Минлань очень долго терпеливо хранила все записи и не торопила события, желая избежать неприятностей в будущем. Но, так или иначе, все неугодные постепенно отправлялись в ссылку в деревни. Так было и со второй семьёй.

Оба «преступника» были влиятельными и могущественными управляющими. Однако одна семья смогла спокойно покинуть поместье, и даже открыть свою продуктовую лавку, купить несколько акров плодородной земли и построить небольшой, но добротный дом, а другая обречена была доживать свой век в одной из деревень, принадлежащих семье Гу, занимаясь тяжёлым трудом. Два очень разных наказания, одно мягкое, другое жёсткое, шокировало старых слуг поместья. Больше они не осмеливались недооценивать свою юную новую начальницу.

Чем холоднее становилась погода, тем несчастнее был Туань. Сейчас он учился переворачиваться, его верхняя часть тела уже легко поднималась, а ноги энергично брыкались, но из-за своей маленькой очень пухлой попки, которая перевешивала его, он никак не мог перевернуться до конца. Из-за холода его стали теплее одевать, и теперь он походил на плотно завёрнутого маленького жирного поросёнка. Ему было трудно двигаться, и сложность «переворота» также удваивалась.

Однако маленький пельмешек был довольно выносливым и совершал множество попыток, пусть они и были успешными всего лишь наполовину.

Младшая Шень Ши пришла к ней в гости с большой корзиной за спиной, и сказала, что собирается показать Минлань кое-что новенькое. Выяснилось, что генерал Чжен боялся, что его жена будет слишком раздражительной, поэтому специально завёл для неё маленькую собачку, только-только отнятую от груди матери. Она была размером с ладошку, имела бледно-жёлтый окрас, мягкие лапки, и очень мило качала головой.

Несмотря на то что у собачки было маленькое тело и короткие ножки, она очень хорошо переворачивалась туда сюда. Один перекат, два, три... Туань, лежащий неподалёку, смотрел на неё, открыв маленький ротик. Он был в восторге, и при этом он был возмущён. Его маленький ротик внезапно искривился и он горестно зарыдал, что испугало младшую Шень Ши.

— Что не так с ребёнком?! — схватившись за грудь, удивлённо спросила она.

Минлань промолчала — в этом не было ничего страшного, просто собачка задела его самооценку.

Когда Гу Тинье вечером вернулся, он обнаружил, что его сын вялый и угрюмый, поэтому он спросил, что происходит. Минлань было весело, поэтому она рассказала, как собачка учила ребёнка переворотам и как испугалась младшая Шень Ши. Гу Тинье, однако, был очень возмущён: как младшая Шень Ши могла принести сюда собаку и ранить чувства ребёнка?! Этого не должно повторяться! Она заслуживает возмездия!

Возмездие настигло младшую Шень Ши очень скоро.

Когда она вернулась в поместье, ей стало плохо, было трудно дышать, она не смогла поесть, потому что её тошнило от запаха риса. Генерал Чжен вызвал лекаря, и внезапно и он, и его родители, и братья и сёстры, и невестки, все испытали облегчение. Когда новости дошли до дворца, императрица послала им множество даров, служанку и императорского лекаря.

Но не всё было так уж хорошо — когда Минлань пришла к ней, чтобы поздравить с беременностью, младшая Шень Ши сказала ей с лёгкой меланхолией:

— Мою собачку забрали, они сказали, что боятся, что это плохо скажется на моей беременности...

Теперь собака принадлежала её маленькой племяннице, дочери старшей невестки. Её любимая собака была переименована в Бао Цзюй.

Наступил двенадцатый лунный месяц, выпало множество снега, мягкого, словно гусиное перо. Он окутал столицу кристально-белым полотном. В один прекрасный день, когда было солнечно, Минлань попросила слуг выпустить цыплят и уток. Держа Туаня на руках и стоя под навесом, она наблюдала за ними и улыбалась.

В облачённой в серебряный снег императорской столице несколько семей ликовали, а несколько грустили. Лю Чженцзе, главнокомандующий Чженьфу, лично возглавил солдат и взял множество взрывчатки, чтобы расколоть лёд, сковавший реку, а затем отправился на корабле навстречу налогам, которые должны были доставить в столицу. Всего было сорок больших лодок, гружённых двумя сотнями повозками серебра. Это было почти восемь миллионов таэлей серебра!

В соляном деле Лянхуа император одержал крупную победу. Императорский посланник одним махом снял десятки шапок с чиновников. Были замешаны почти сотня торговцев солью. В этом году они отобрали не только нынешние налоги, но и серебро с прошлогодних налогов. Они забрали все недостатки. Было также раскрыто множество старых крупных дел.

Весной следующего года император подписал особый указ для судов, так что ему было нужно много денег. Быть императором было почти также, как жить в обычной семье: если у тебя есть много денег, ты решишься на действия и преуспеешь, имея уверенность в своём сердце, не важно, будет это пополнение оружейного арсенала или исправление чиновничьего аппарата.

Месяц назад Гу Тинье получил указ, и, как только деньги были выделены, он смог вернуться в армию и компенсировать отсутствие жалованья.

Император угощал министров, честолюбивых и решительных, надеясь, что они совершат достижения и в следующем году. Маньчжурские гражданские и военные восхваляли его добродетели, императрица объявила, что все женщины столицы имеющие третий ранг и выше,

будут приглашены во дворец на праздник. Людей же ниже третьего ранга ждали свои награды.

Многие члены влиятельных семей также приходили, чтобы подружиться с Минлань. Этого нужно было развлечь, с другим подружиться, с этим поесть... Благодаря старшей служанке Фан, которая в прошлом хорошо заботилась о ней и обучила её, Минлань легко удалось со всем этим справиться.

— Глядя на то, какая вы юная, я боюсь, что вам нелегко управлять такой большой семьёй. Вы ведь, должно быть, даже моложе моей дочери! — у госпожи Чжан было светлое лицо, она говорила тихо и с достоинством. — Рецепт маринованный сливы, полученный от вас, очень хорош. Моя дочь с аппетитом ела её, это так помогло нам!.. Я ещё не поблагодарила вас за это...

— Я сама люблю есть маринованные сливы, — тепло ответила Минлань. — Я не знала, понравится ли такое сестрице Чжан.

— Если у вас есть свободное время, почаще приходите в поместье хоу Вэйбэй, — слегка улыбнулась госпожа Чжан. Её движения казались несколько экстравагантными. — Хоть моя дочь скучна и не любит много разговаривать, у неё доброе сердце. Гу Хоу и хоу Вэйбэй в хороших отношениях, ты и моя дочь тоже должны быть близки, словно сёстры.

Минлань почувствовала, как онемела её кожа головы, и холодок пробежал по спине. Ей пришлось улыбнуться в ответ. Как бы она ни была глупа, она вполне могла услышать подтекст, скрытый за этими словами. «Я слышала, вы с младшей Шень Ши довольно хорошо общаетесь, не могла бы ты помочь и моей дочери, окей?»

На следующий день был дан банкет императорской семьи. Хотя у Шень Ши не было ничего общего с дочерьми министров, она обязана была там присутствовать. Когда они встретились, она сообщила ей, что вдовствующая императрица Шенде неохотно улыбалась. Вернувшись, Минлань пересказала это Гу Тинье.

— Ха-ха-ха! Положение императора становится всё более и более устойчивым, как она может улыбаться! — громко рассмеялся господин Гунсунь, встряхивая редкой седой бородой, и закашлялся. Перед наступлением зимы этот старик снова заболел, и по сей день находился в кровати.

Гу Тинье сидел перед его кроватью, слегка нахмурившись.

— Позаботься о своём теле в будущем, — произнёс он. — Ты не так уж и молод. Если что-то пойдёт не так, не буду ли я после сожалеть об этом?

— Чжунхуай стал Лао-цзы с тех пор, как я стал стариком, и становится всё скучнее! — прикрыв губы руками, смеялся и кашлял Гунсунь Байши. — Жизнь такая сложная! Раньше вы пели о вине! Жара в Аньхой была невыносимой, вы взяли на себя инициативу и прыгнули в реку

Баймао. Там также было множество девушек из нескольких деревень, расположенных вдоль реки... — он осёкся на половине слов и взглянул на Минлань, процеживающую целебный отвар у стола. Испытав угрызения совести, он замолчал. Гу Тинье тоже слегка кашлянул, чувствуя себя некомфортно.

Сотни тысяч молодых людей и людей среднего возраста, обнажённых и купающихся под открытым небом, представляли собой захватывающую картину. Минлань тайно улыбнулась, но сделала вид, что не поняла, о чём он говорит.

— Император благословлён, — подув на чашу с отваром, сменила тему она. — Мне жаль только императорского посланника. От других женщин я слышала, что многие снаружи сейчас хотят снискать его внимания.

— Он перевернул чиновничеству Лянхуай с ног на голову, — сказал Гу Тинье. — Он бесстрашен.

— Когда первый император был у власти, он также посылал несколько групп людей, чтобы расследовать соляные дела, — прищурившись, покачал головой Гунсунь Байши. — Но это было тихо, он не хотел сильно оскорблять чиновников. Это была трясина, которая формировалась множество лет. Без применения молний и грома, как можно было разбить эту отвратительную сеть?

— Почему я этого не знал? — горько усмехнулся Гу Тинье. — В последний раз, когда я был в Лянхуай, среди бела дня несколько ныне мёртвых солдат осмелились перехватить и убить императорского посланника. О, мне было просто жаль верного министра, — он вздохнул.

— Вы думаете, что он Дун Аньюй, но я думаю, что он отец господина Янь, и, может быть, он намного умнее, — Гунсунь Байши погладил свою бороду и улыбнулся. — Он был всего лишь мелким чиновником, и не был известен своими результатами экзамена, а знания его нельзя назвать выдающимися. Чжунцюань не имеет фундамента, но имеет высокие амбиции. Чем же ему выделиться из толпы? Он может только рисковать! Зная, что поручение очень рискованно и он оскорбит многих людей, он также знал, что в случае успеха получит хорошую награду. Этот человек сделал ставку на сердце императора!

— Пока император помнит свои обиды и верных людей, для него неверных нет надежды, — задумавшись на некоторое время, сказал Гу Тинье.

Минлань была настолько очарованна этим, что почти забыла о том, что чаша в её руке горячая.

— Скажите... А что если человек действительно верен стране, независимо от личной чести и унижения?

Она чувствовала, что в том, что она сказала, что-то не так, но старик неожиданно громко

расхохотался.

На лице Гу Тинье отразилась лёгкая насмешка над собой.

— Так не бывает.

Для чиновников слишком наивно позволять людям слепо думать о хорошем.

Гунсунь Байши улыбнулся, и снова и снова махал руками, кашляя и смеясь.

— Госпожа пряма и честна! Это я плохо прочитал книгу!..

Минлань покраснела и медленно подошла к нему с миской в руке.

— Не смейтесь надо мной. Пожалуйста, сначала примите лекарство.

— Мне очень жаль, госпожа, — старик скривился, словно собирался принести героическую жертву. Он приподнял шею и выпил миску с лекарством, сморщив своё старое лицо. Он был похож на грецкий орех. Гу Тинье подал ему миску с водой, чтобы он мог запить его. Ещё некоторое время все трое смеялись и болтали. Затем пара попрощалась.

Снаружи было полно снега, поэтому они вдвоём медленно пошли по крытому коридору.

— Есть кое-что, что тебе необходимо сделать. Боюсь, я должен попросить об этом, — некоторое время спустя неожиданно произнёс Гу Тинье.

Минлань повернула голову, показывая, что слушает.

— Господину Гунсуню больше пятидесяти лет, а его колени всё ещё пусты. Давай выберем девушку, которая хорошо мне служит и хорошо воспитана, пусть он возьмёт её в наложницы.

— Это... Хоу Е сам до этого додумался? — удивлённо моргнула Минлань. Она не могла поверить в то, что услышала это от него.

— Гунсунь никого не принимает близко к сердцу... Это письмо от его жены.

У Гунсунь Байши и его жены когда-то был сын, но, к сожалению, он рано умер, как и его старший брат, который оставил после себя вдову с кучей племянников и племянниц. У его жены было много работы: она должна была прислуживать родителям мужа, заботиться о своей овдовевшей невестке, воспитывать племянников и племянниц, и ей не разрешали покинуть дом, чтобы встретиться с мужем. Она несколько раз предлагала своему мужу взять наложницу,

чтобы он мог продолжить род, но хотя в то время он ещё не был стариком, он начал путешествовать по миру и редко долго жил на одном месте. Конечно, тогда он не заботился о детях. На этот раз, когда она узнала, что её муж отправляется в столицу с Гу Тинье, она надеялась, что он хоть немного остепенится. Однако опасаясь, что столкнётся с препятствиями, она просто попросила передать письмо Гу Тинье, напрямую попросив его найти достойную кандидатуру в наложницы.

— Даже если он хочет взять наложницу, она должна сама выбрать человека и отправить его в столицу, — тихо произнесла Минлань.

— В письме говорилось, что в деревне нет выдающихся девушек, и что она боится, что они не понравятся её мужу, — ответил Гу Тинье. — Оглядываясь назад... Я спрошу господина Гунсуня, есть ли кто-то, кто ему нравится среди служанок, которые в настоящее время обслуживают его. Наложница должна ему нравиться.

Минлань смутилась, чувствуя себя сутенёршей, которая сводит молоденькую девочку со стариком.

На следующий день Гу Тинье снова отправился к нему, чтобы поговорить о наложнице. Сначала старик не хотел с ним соглашаться, он не хотел быть обременённым семьёй. Тем не менее, Гу Тинье стоял на своём. В конце концов, старик постепенно смягчился и всё-таки согласился. С точки зрения Гу Тинье, это было большим достижением.

Итак, была середина двенадцатого лунного месяца, госпожа Сюэ собиралась вернуться в свой родной город на Новый Год. Минлань намеревалась пойти к нему, чтобы вручить новогодний подарок заранее. Поэтому она попросила двух девочек отдать дань уважения раньше. Затем Минлань объявила, что сейчас зимние каникулы, поэтому они могут пока не учиться. Две девочки убежали прочь, радуясь и смеясь.

Цюнян, нервничая, пыталась догнать их, и выглядела как курица, догоняющая птенцов.

— Бегите медленнее, медленнее! На улице ещё снег, не упадите!

Минлань улыбнулась, смотря на это: она наконец-то поняла, почему Гу Тинье сказал, что Цюнян неплохая. Фенсянь же иногда всё ещё выдавала некоторые «трюки», например, пела посреди ночи, притворялась больной, говорила, что собирается умереть и т.д. Цюнян же имела всего две уловки: принести своё шитьё или встретить его на дороге.

После того как её несколько раз унизили и даже избили, она, наконец, поняла, что Гу Тинье изменился, поэтому ей пришлось смириться со своей судьбой. Постепенно она отказалась от своих мыслей и стала больше заботиться о Жун. Если Цюнян решает о ком-то заботиться, она искренне посвящает всю себя этому: она шьёт обувь и одежду для Жун, сопровождает её, чтобы показать её домашнюю работу, обучает её женским премудростям и помогает изящно одеваться. Заботясь о ней и любя её, она постепенно нашла путь к её сердцу. Возможно, со временем эти двое начнут относиться друг к другу как настоящие мать и дочь.

Эта женщина, наконец, смогла справиться с собой, поэтому когда они ушли, Минлань взяла на себя инициативу организовать несколько праздничных столов и попросила Цюнян пригласить тех, с кем она хорошо общалась, чтобы отпраздновать. В полдень того же дня Жун специально пришла к ней, чтобы предложить три бокала вина, а также подарить тяжёлую золотую шпильку, которую купила на своё скопленное ежемесячное жалование. Цюнян рыдала, тронутая.

Тётушка Цю, которая обычно находилась рядом с братьями Шоу, всегда была с ней в хороших отношениях. Обняв Цюнян, она прошептала:

— Наша госпожа — добросовестный человек, который не забудет твоих заслуг. Не волнуйся, пока она здесь госпожа, ты можешь не беспокоиться о своём будущем.

Когда эта новость дошла до Минлань, она, естественно, обрадовалась. Она была готова хорошо обращаться со всеми этими проблемными женщинами, если бы они только вели себя хорошо, она могла бы делать это.

Однако в данный момент у неё были другие проблемы. Позволяя молодой девушке стать наложницей старика, она чувствовала, что это действительно бесчеловечно. После нескольких дней борьбы с самой собой, она продолжала сопротивляться в своём сердце. Когда она рассказала об этом старшей служанке Цхуй, та неожиданно рассмеялась.

— О чём вы думаете, главная госпожа? Это не принуждение хорошего человека к проституции, в этом нет ничего такого, чего эта девушка не смогла бы вынести! Господин Гунсунь учёный человек, обладающий хорошим характером. Он не очень старый, его жены нет рядом с ним. Неужели вы думаете, что не найдётся служанок, которые захотят выйти за него? Погодите-ка, давайте выйдем, когда стихнет ветер, и посмотрим, сколько девиц захочет взобраться на эту высокую ветку! — сказала она.

Минлань на мгновение остолбенела, а потом поняла, что Гунсунь Байши был примерно одного возраста с её отцом. Однако морщин на его лице было куда больше, чем у Шен Хуна, который всё ещё оставался красивым мужчиной средних лет.

После этого предположения Минлань пошла в маленький дворик, где жил господин Гунсунь. По словам старшей служанки Цхуй, если девушка не хотела быть наложницей, она постаралась бы избегать этого дворика в ближайшее время.

Результаты порадовали. Хотя не все пошли за Минлань, были те, кто выглядел нетерпеливыми. Стоит также упомянуть, что среди них было две или три недавно овдовевших женщины, и хотя они были не особенно утончёнными и даже полноватыми, они всё ещё были кокетливыми, но не вульгарными.

Имея перед глазами подобное подтверждение, Минлань должна была признать, что в эти дни «наложница» являлась законной женской профессией, к которой прилагался капитал на еду и одежду, а также различные подарки, которые господа дарили в соответствии со

способностями.

«Хорошо, давай найдём кого-нибудь, кто тебе понравится, и я сделаю доброе дело», — решила Минлань. Она просто понятия не имела, какие женщины нравились господину Гунсунь. Путь сутенёра был по-настоящему трудным, а у Минлань совсем не было опыта! Господин Гунсунь, к тому же, оказался весьма привередливым.

После нескольких дней борьбы Минлань, наконец, нашла решение. Внучка госпожи Пань, имеющая нежную кожу, теперь подавала чай и воду во дворе господина Гунсуня. Честная, внимательная и красивая Цзинь заботилась о лесе. Даже старшая племянница одной из старших служанок, спокойная и вдумчивая, обладающая изысканной внешностью, теперь служила в его дворе. Это всё казалось вздором, но старшая служанка Цхуй лично узнала о том, что все они готовы стать наложницами.

Пока Минлань сидела, кусая губы, и медитировала, она неожиданно услышала тихий, чёткий звук. У Даньдзю было обеспокоенное выражение лица. Она в четвёртый раз опрокидывала чайную чашку на стол. Чай снова пролился.

— Что с тобой сегодня? Ты такая упрямая. Почему ты не говоришь мне, что тебя беспокоит, когда я спрашиваю? — вздохнула Минлань, наблюдая за тем, как Даньдзю в спешке убирает. — Просто скажи мне, если тебе что-то нужно.

Убрав пролитый чай, Даньдзю некоторое время поёрзала и, наконец, нерешительно спросила:

— Тогда... Главная госпожа, вы... вы ведь сейчас заняты выбором наложницы для господина Гунсуня?

Минлань кивнула, и уже собиралась было пошутить, когда увидела на лице Даньдзю застенчивость. Она была потрясена, когда в её голове возникла странная мысль.

— Ты... хочешь порекомендовать саму себя? — спросила она.

Даньдзю была сбита толку, и уже собиралась спросить, что значит «порекомендовать саму себя», но Минлань услышала ясный и спокойный голос из-за двери.

— Это не она хочет, а я!

Затем занавес поднялся, и стройная красивая девушка шагнула внутрь. Это была Жуомей.

— Ты забыла о правилах? Как ты могла подслушивать? — нахмурившись, спросила Минлань.

— Это всё моя вина! — Даньдзю поспешно опустилась на колени. Она уже была расстроена,

поэтому говорила довольно бессвязно. — Она... Она... Это я попросила её прийти!..

— Если вы хотите кого-то обвинить, вините меня, главная госпожа! — громко произнесла Жуомей, опустившись рядом с ней на колени. — Это я пристаю к сестрице Даньдзю! Я умоляла её замолвить обо мне словечко!.. Просто попросить главную госпожу выслушать то, что я хочу сказать, и тогда я взяла бы на себя инициативу!..

Некоторое время Минлань молча её разглядывала.

— Говори, — вздохнула она.

— Спасибо, главная госпожа, — Жуомей слегка кивнула и подняла голову. — У меня есть только одно желание. Я... Я... — она стиснула юбку. — Я хотела бы служить господину Гунсуню!

Минлань медленно опустила голову, затем, поразмыслив, слегка подняла руку, и Даньдзю, покраснев, как мак, поспешно оставила их в комнате вдвоём.

— Почему? — серьёзным тоном спросила Минлань. — Я до сих пор помню, как ты сказала, что никогда не будешь наложницей.

— Эта служанка восхищается характером господина Гунсунся! — Жуомей всё ещё стояла на коленях, с прямой спиной. Её лицо было бледным, а в её тёмных глазах, казалось, горело два огня. — Восхищается его знаниями! Я готова быть наложницей и следовать за ним всю свою жизнь! — она низко поклонилась. — Я надеюсь, что главная госпожа добьётся успеха и уговорит его!

Минлань стиснула подлокотник кресла.

— Знаешь, я всю жизнь планировала для вас всех будущее, — сказала она.

Все знали, что будущее у служанок, являющихся приданым госпожи, совершенно отличается от возможностей обычных служанок. Обычные служанки могут рассчитывать, самое больше, на замужество за целеустремлённым слугой или сыном управляющего.

— Госпожа хорошо обращалась с нами, эта служанка сохранит это в своём сердце, — изо всех сил стараясь подавить дрожь в голосе, произнесла Жуомей. — Эта служанка не сдержалась и посмела просить главную госпожу, и готова потерять свою жизнь и принять наказание от Небес!

Комната погрузилась в тишину, был слышен лишь треск угля в медной переносной печи.

— Ты должна сначала выслушать моё мнение по двум вопросам прежде, чем решение будет принято, — спустя долгое время произнесла Минлань.

Жуомей посмотрела на неё глазами, полными надежды.

— Жена господина Гунсуня добродетельна и добра. Она много работала ради семьи Гунсунь. Однако из-за того что они были разлучены полжизни, у них нет детей. Поэтому мы рассматриваем кандидаток в наложницы. Во-первых, я отправлю документ о заключении брака в родной город господина Гунсуня его жене, — Минлань почти ощутила, как Жуомей перестала дышать. — Во-вторых, я слышала от молодого господина Мен, что его старший брат собирается жениться. Через несколько лет, когда его невестка войдёт в семью, господин Гунсунь сможет вернуться в родной город и воссоединиться с семьёй. Когда родится ребёнок... Девочку, возможно, позволят воспитывать наложнице, но сына будет воспитывать главная жена.

Брови Жуомей были нахмурены, на её лице читалась боль. Наложница в этот раз была всего лишь «хрустальным брюхом», женщиной, которая должна родить ребёнка. Как она может это не понимать?

Она же была приданым госпожи Гу Хоу. Минлань боялась, что в будущем Жуомей может воспользоваться своим авторитетом, и, когда они вернутся в сельскую местность в будущем, его жене придётся несладко. К тому же муж может начать стыдиться своей жены, поскольку ребёнок в будущем может проявить не уважение к своей законной матери.

Учитывая её прошлое, она имела не такие уж крепкие отношения со всеми девушками здесь. Как она может не знать, как высоко небо? Только Минлань была наиболее добра к ней, и Даньдзю.

— Главная госпожа, эта служанка понимает, что вы имеете в виду, — Жуомей почти в кровь искусала свои губы, упрямство читалось на её лице. — Эта служанка будет уважать первую жену своего мужа и никогда не посмеет быть высокомерной и неуважительной! Если я оступлюсь, пусть меня разразит гром!

Услышав её тон, Минлань поняла, что бесполезно и дальше говорить с ней.

— Я поняла, о чём ты думаешь. Ты... Иди первой.

Жуомей слегка поклонилась и вышла за дверь. Через несколько минут Даньдзю осторожно вошла в комнату, на её лице читался стыд. Она бормотала себе под нос, что не знает, что сказать.

— Она не скажет мне правды. Скажи мне, её желание искреннее? — взглянув на неё, спросила Минлань.

— Не волнуйтесь, она действительно этого хочет! — Даньдзю вздохнула с облегчением. — Мы все думали, что она очарована каким-то учёным во внешнем дворе, но на самом деле...

— Господин Гунсунь годится ей в отцы, — рассмеялась Минлань. — Значит, ей такое нравится?

— Жуомей однажды сказала... — Даньдзю выглядела сбитой с толку. — Сказала, что господин Гунсунь похож на её покойного отца: добрый и тёплый...

На самом деле, она совсем этого не понимала.

Минлань же в определённой степени понимала, в чём дело, и не хотела больше ничего говорить. Поскольку Жуомей хотела выйти за него замуж, и из всех людей высоко оценивала только его, она ничего не могла с этим поделать. Судя по тому, как господин Гунсунь несколько раз присылал через неё вещи или передавал информацию, его оценка также была достаточно высокой. Это было хорошо.

После того как Гу Тинье вернулся в поместье, Минлань рассказала ему о случившемся, и тот с интересом выслушал её.

Хотя господин Гунсунь был довольно высок и обладал обширными знаниями, он, в конце концов, был не очень красив, имел редкую бороду, полулысый лоб и надвигающиеся пигментные пятна. Настоящая любовь на самом деле зла?

Минлань не могла не вздыхать, осознавая, что она всё ещё слишком поверхностно судит обо всём и недостаточно спокойна.

Поскольку господин Гунсунь всё ещё не выздоровел, церемония взятия наложницы была назначена на весну следующего года. Цветок груши, однако, был готов потеснить бегонии. Жуомей была похожа на счастливую птицу, хлопающую крыльями и улетающую прочь — она, краснея, радостно отправилась к нему присматривать за лекарствами.

— Что именно ей нравится в господине Гунсуне? — Сяотао была озадачена.

Хотя Минлань тоже думала, что это интересный вопрос, она не стала на него отвечать.

— Хватит говорить о Жуомей, лучше расскажи о себе. Ты когда-нибудь думала о том, кто нравится тебе?

— Я думала об этом, — честно кивнула Сяотао. — Моя мать часто говорила, что мясник Яо на въезде в деревню из хорошей семьи, и что если я в будущем выйду за продавца мяса, то за каждую убитую свинью я буду получать достаточно денег, — её тон был твёрдым и честолюбивым.

Минлань чуть не подавилась чаем.

Под звуки салюта Туань встретил первый новый год в своей жизни. Гу Тинье стоял снаружи с сыном на руках. Оглушительный грохочущий звук прорезал ночную тишину, а красочный фейерверк украшал ночное небо. В канун Нового Года Гу Тинье решил устроить весёлое мероприятие, поэтому дом не только украсили красными украшениями, но он также наградил всех слуг двухмесячным жалованием.

Минлань также обменяла четыре корзины медных монет и раздала их детям в доме в качестве новогодних денег.

Хотя народу в этот раз было меньше, чем в прошлом году, Гу Тинье явно был в более приподнятом настроении. Стоя в зале предков, он лично преподнёс благовония десяткам табличек. После того как были совершены жертвоприношения, Шао Ши ушла, а Гу Тинье схватил одной рукой Минлань, а другой маленького пельменя, и долго стоял перед табличками прошлого хоу и Бай Ши.

В первый день Нового Года Минлань вышла, чтобы посетить семью Шен и поклониться своим родителям. Они поехали в повозке. Туань был очень взволнован, сидя в объятиях кормилицы, его круглая голова постоянно пыталась выглянуть за занавеску. Лицо Жун, однако, было бледным, всё это время она чувствовала, что она в этом месте лишняя. Минлань утешала её добрыми словами:

— Помнишь тётушку Хуалань? Она была очень добра к тебе в прошлый раз и даже подарила золотой браслет. У неё есть дочь, которая почти вашего с Сянь возраста, так что ты сможешь поиграть с ней.

Жун твёрдо кивнула.

На самом деле, она слишком много думала.

Хотя она была дочерью наложницы, Минлань не пренебрегала ею. Конечно, сегодня вся семья Шен будет смотреть на неё, но единственная, кого стоит опасаться, это Ван Ши. Однако у неё сегодня приезжают две родные дочери, а также множество внуков, которых она давно не видела. У неё просто не будет времени на Жун.

Все четыре зятя пришли поздравить его с Новым Годом, Шен Хун был очень счастлив. Он не мог перестать улыбаться. Минлань задумалась о том, насколько хорошим должен быть её зять.

В этот день они также должны были раздавать новогодние деньги. Семья Хуалань получила больше всего прибыли из-за троих детей. Однако на этот раз у Минлань был маленький

пельмень, поэтому она тоже кое-что получила. Он поднял два своих маленьких пухлых кулачка, чтобы поприветствовать старейшин. Все смотрели на него с интересом и смеялись.

После они выслушали многословное увещевание Шен Хуна о «счастливой семье, благополучии, детях и внуках», и, когда Ван Ши, наконец, не смогла больше этого выносить, она сурово посмотрела на Минлань.

— Среди всех девушек только у тебя нет рядом свекрови, и нет старших, которые контролируют тебя. Не зазнавайся, будучи главой семьи. Если ты будешь действовать необдуманно или нарушишь этикет, даже если другие этого не говорят, я тебя отругаю!

Минлань почувствовала горечь, но поленилась спорить с ней. Однако Ван Ши становилась всё энергичнее и энергичнее:

—...Нет рядом старших, которые могут указать на ошибки!.. Минлань всего лишь девчонка, что она может знать? Она теперь управляет такой большой семьёй сама, что за шутка!..

Гу Тинье перестал улыбаться, когда она начала ругать Минлань на глазах у всех. Внимательная Хуалань, заметившая это, уже собиралась прервать её, когда пожилая госпожа Шен хлопнула по столу рукой. Чётки, висящие на её руке, звякнули о столешницу. Оглянувшись, Шен Хун увидел перекошенное лицо своей законной матери.

— О чём ты говоришь, когда малышка Мин шутила? — быстро прервал её Шен Хун, а затем повернулся к Гу Тинье и со смехом продолжил. — Ваша тёща так много беспокоится обо всём, и слишком много думает!

Ван Ши стиснула зубы и отвернулась. Она увидела Молань, и сделав вид, что заинтересована в ней, сказала:

— Молань, девочка, ты замужем уже несколько лет, и только у тебя из всех наших дочерей нет детей. Я действительно не могу не беспокоиться о тебе.

Молань была крайне взбешена, но молча подняла голову и изящно улыбнулась.

— Главная госпожа обеспокоена, но я вынуждена возразить. У моего мужа есть дети от наложниц, все они его плоть и кровь. Я главная жена. Кто из них не мой сын или не моя дочь?

Незаконнорождённая дочь Шен Хуна была поистине праведной в глазах своего мужа. Ван Ши выдавила из себя кривую улыбку.

— Несмотря на это, лучше всё же иметь прямых потомков. Я говорю это, чтобы зять не пренебрегал нашей девочкой.

Лян Хань, стоявший в стороне, больше не мог оставаться в стороне. Его лицо исказилось, однако Молань неторопливо улыбнулась.

— Главная госпожа может не волноваться, мой муж очень хорошо обращается со мной. Это действительно удача, накопленная за три жизни!.. Что касается детей... — она кинула взгляд на Лян Ханя и прошептала. — Возможно, мне просто не везёт...

Лян Хань был благодарен и с жалостью смотрел на свою жену.

Ван Ши открыла было рот, но Шен Хун сильно хлопнул по столу и торжественно произнёс:

— У тебя ещё много дел, жена. Ты должна позаботиться ещё о множестве вещей в честь Нового Года!

Глаза Ван Ши были красными от злости. Она отвернулась.

Вень Яньцзин был умным и проницательным. Он знал, что его свёкор и свекровь не находились в гармонии, поэтому он поспешно шагнул вперёд, чтобы уладить это дело.

— Свекровь всегда любит своих невесток, а зятя всегда неприятны, ведь недостаточно хороши для любимых дочерей. Брат Лянь, не вини нашу свекровь, даже имея такого хорошего зятя, как я, она всё равно недовольна время от времени!

— Ты такой бессовестный, как ты вообще можешь быть зятем? Ты просто хочешь похвастаться!
— поджав губы, с улыбкой поддразнила Жулань.

Все рассмеялись, Ван Ши немного успокоилась, а Шен Хун вздохнул с облегчением. Пожилая госпожа Шен холодно смотрела на всё это.

— Я привыкла к тишине, — махнула рукой она. — Если вас не прервать, вы ещё год будете кланяться и боготворить себя. Так что можете идти.

Шен Хун поспешно встал, чтобы признать свою вину, и неоднократно повторил, что он непочтительный сын. После того, как они вышли из зала Шоу'ань, Шен Хун вывел четырёх зятьёв во внешний двор, а дочери пошли во внутренний главный зал, чтобы выпить чаю.

Как только Хуалань села, она подозвала Чжуан и Жун, чтобы познакомить их. Две девушки поклонились друг другу, приветствуя. Когда они рассмотрели друг друга, то сели рядом и принялись болтать.

Чжуан была более зрелой, чем обычные дети её возраста, а так же очень дружелюбной и доброй. Она была очарована, когда услышала, как Жун рассказывает о своей учёбе у

наставницы Сюэ. Чем больше они говорили друг с другом, тем больше друг другу нравились. Через некоторое время они вышли во двор, взявшись за руки. Остальных детей домоправительница Лиу Кун вывела в боковой зал, чтобы они могли поиграть в помещении.

Лю Ши стояла рядом с Ван Ши, предлагая ей и её дочерям чай и закуски. Её живот был очень большим. Минлань не смогла этого вынести, поэтому она сказала:

— Невестка, быстрее, садись, тебе нужно заботиться о своём теле.

— Кто здесь никогда не был беременным? Это драгоценно, но на самом деле не имеет большого значения, если ты постоишь какое-то время, — надулась Ван Ши.

— Когда главная госпожа была беременна, часто ли она стояла, чтобы прислуживать бабушке?
— повернув голову, удивлённо спросила Минлань. Её глаза были полны искренности и благоговения.

Ван Ши задыхнулась, не в силах произнести ни слова. Хуалань возвела глаза к небу. Хотя это была её родная мать, в этот раз она действительно не хотела ей помогать. К тому же Минлань не собиралась её унижать, а просто хотела помочь Лю Ши. Хуалань лишь кинула странный взгляд на Молань и ничего не сказала.

— Лекарь сказал, что мне полезно стоять и ходить, но нужно знать меру, — спасла положение Лю Ши. — Кстати, я как раз собиралась поблагодарить шестую сестру за рыбу, которую ты прислала мне в прошлый раз. Она была очень хороша. С ней я смогла съесть несколько чашек риса.

— Моя бабушка сказала, что моя невестка хочет поесть тяжёлых морепродуктов, — склонила голову Минлань. — И я вспомнила об этом рецепте. Люди на юге придумали этот рецепт, и я сочла его очень вкусным. Если тебе понравилось, у меня есть ещё.

— Почему ты не посылала её мне? — недовольно спросила Жулань.

— Прекрати это! — Минлань посмотрела на неё равнодушным взглядом. — В то время ты не переносила множество запахов. Мой бедный зять не осмеливался растирать чернила в доме из-за тебя! Если бы я действительно отправила тебе рыбу, вам пришлось бы мыть весь дом!

Жулань мило улыбнулась и не стала ничего отвечать.

Ван Ши угрюмо молчала. Ей хотелось ругать Лю Ши, но она настолько успешно сносила всё с первых дней, будто ничего не слышала. Ей хотелось ругать Молань, но она была слишком искушённой, так что могла обернуть почти всё сказанное против неё. Ей хотелось ругать Минлань, но её слишком часто защищала Хуалань. Вспылив, она увела Хуалань и Жулань во внутреннюю комнату, чтобы поговорить с ними наедине.

Глядя на то, как мать и дочери уходят, Лю Ши улыбнулась.

— Сёстры, почему бы нам не выпить чаю в моих покоях? Моя матушка прислала мне хороший чай, вы можете попробовать его. Если он вам понравится, я дам вам немного.

В детстве Минлань часто ходила к Чанбаю, приносила пару обуви, книги или что-то ещё, но она никогда не приходила во двор Чанфена. Увидев его сегодня, она почувствовала, что внутри и снаружи это место было элегантным и достойным, даже пейзаж был великолепен.

Когда они пришли, они столкнулись с Чанфеном, который вернулся от своего тестя. Поскольку Лю Ши была беременна, он вынужден был посещать её девичий дом в одиночестве, чтобы поздравить их с Новым Годом.

— Как родители? — Лю Ши с улыбкой смотрела на мужа.

Чанфен привычно помог ей сесть.

— Всё в порядке, простуда твоей матери почти прошла, я просидел с ними, выпив две чашки чая, но она почти не кашляла. Твой отец хотел оставить меня, чтобы поиграть в шахматы, но благодаря старшему шурина я смог вернуться раньше.

— Папе слишком нравятся шахматы, он любит просить тебя сыграть с ним, дорогой, желая похвастаться всеми трюками, которые знает, — голос Лю Ши неожиданно изменился и звучал одновременно игриво и нежно, и был похож на весенний ветерок, ласково обдувающий лицо.

Минлань повернулась, чтобы посмотреть на Молань. Её лицо было не слишком красивым.

— Если бы мне не нужно было вернуться раньше, было бы неплохо сыграть несколько партий с тестем, — Чанфен был таким же нежным и внимательным, как и всегда, но, казалось, что-то в нём изменилось, но Минлань не могла сказать, что. — Четвёртая сестра, шестая сестра, рад, что вы здесь, — повернув голову, сказал он.

— Ты только что заметил нас, — фыркнула Молань. — В твоих глаза есть только наша невестка!

— О чём ты говоришь? — улыбнулся Чанфен, не воспринимая подначку всерьёз.

— Раз мой брат и невестка здесь, это хорошо. Мне есть, что сказать вам, — Молань внезапно стала серьёзной, её взгляд остановился на Чанфене. — Теперь мой отец больше доволен моим братом, а пожилая госпожа любит невестку. Так почему же брат и невестка не придумали способа вернуть нашу родную матушку? Может ли быть, что мой брат заботится только о своём собственном комфорте, и ему всё равно, жива она или мертва?

Чанфен покраснел и потерял дар речи, он взглянул на свою жену, ища у неё помощи.

— То, что сказала четвёртая сестра... — Лю Ши спокойно улыбнулась. — Это всё равно, что сказать, что ваш брат безжалостный и несправедливый человек.

— Я этого не говорила, — холодно фыркнула Молань. — Но наложница Линь родила нас, сестру и брата. Как мы можем забыть о ней? Разве он не мужчина? Почему он ничего не может сделать?!

Молань использовала агрессивные слова, Чанфен, всё ещё лишённый дара речи, мог только смотреть на свою жену.

— Мой дорогой — мужчина, но именно потому, что он мужчина, он знает больше о том, чего он может делать, а чего не может! Четвёртая сестра известна тем, что прочла множество книг и увлекается поэзией, как же она может не понимать эту простую истину? — Лю Ши встала, поддерживая живот, и выглядела как-то по-особенному величественно. — Наложница была очень добра к моему мужу, но помимо неё, у моего мужа также есть бабушка, отец и законная мать. Можно ли быть почтительным лишь к одной наложнице и забыть о почтительности к пожилой госпоже, господину и главной госпоже? — продолжила она. — После того как я вышла в семью Шен, я каждый сезон посылала еду и одежду в Чжуанцзы! Люди, которые возвращались, рассказывали о ней. Хотя жизнь наложницы не та, что прежде, и ей немного одиноко, она не терпит лишений! Что значит, моему мужу всё равно, жива она или мертва?!

— Невестка такая красноречивая! — Молань поспешно встала. — В чём разница между жизнью и смертью при такой жизни?

— Наложница совершила ошибку, конечно, она должна быть наказана, — смотря прямо на Молань, слегка улыбнулась Лю Ши.

— Ты! — сердито воскликнула Молань, затем повернулась на Чанфена и повторила. — Ты!..

Чанфен слегка сжался, Лю Ши сделала шаг вперёд.

— Мой свёкор уже рассказал мне, что тогда произошло, — тихо произнесла она. — Увы... Неуместно говорить что-то об этом, это будет неуважительно. Возвращение наложницы действительно неуместно. Четвёртая сестра, ты теперь тоже жена и мать. Может быть, ты думаешь, что наложница Линь поступила правильно? — она медленно погладила себя по животу. — Для женщины муж подобен Небесам, дочь следует за своим отцом. Это истина, которую мы должны усваивать, будучи маленькими. Я не так много читаю, как моя четвёртая сестра, я знаю только, что я и мой ребёнок можем положиться лишь на Чанфена. И что мы должны слушаться его.

Она говорила это Молань, но её глаза были прикованы к Чанфену. Минлань отвела взгляд в сторону, поскольку в глазах Лю Ши было слишком много доверия и зависимости. Даже Далань

получал подобный взгляд, хотя боялся, что сможет стать отличным мужем, что уж говорить о Чанфене, который жалел и заботился о жене, словно о драгоценном нефрите.

Лицо Молань было мрачным, она сердито смотрела на Лю Ши.

— Невестка знает правду, — ей стало очень грустно. — Но даже если наложница Линь неправа, у наказания должен быть предел. Из-за этого мы втроём, мать, дочь и сын, никогда больше не соберёмся все вместе и не увидим друг друга, — она не смогла сдержать тихих всхлипов. — Брат, разве ты не помнишь, как сильно тебя любила твоя родная матушка, пока ты был маленьким? Брат такой жестокий! Какой бы плохой она не была, какие бы ошибки не совершила, мы всё равно её плоть и кровь! Как ты можешь быть таким равнодушным к ней?!

Чанфен ощутил неловкость, когда она заплакала.

— Как ты можешь так говорить? — поспешно сказал он. — Твоя невестка уже сказала мне, что пока пожилая госпожа, отец, и главная госпожа здесь, наложница никогда не сможет вернуться. Но если однажды наша семья будет разделена, мы с твоей невесткой будем почтительны к ней.

В сердце Молань было холодно, она была в ярости. Такая семья, как Шен, должна дожидаться смерти Шен Хуна, чтобы они смогли разделить семью. Но Шен Хун всегда был здоров и не собирался умирать в ближайшее время!

Она подняла взгляд, чтобы посмотреть на Лю Ши, и увидела, как та слегка улыбается. Чанфен следовал за ней шаг за шагом, словно послушный сын за своей матерью. Минлань не на шутку рассердилась.

— Невестка действительно обладает невероятными талантами к приручению! Теперь мой брат так тебя слушает! Не знаю, лучше ли это, чем слушать моего отца!

Это было уже слишком, Чанфен изменился в лице.

— Ты знаешь, что я твой старший брат, по-твоему, это то, что ты можешь говорить своему старшему брату? Ты совсем не знаешь правил приличия! А ведь это всё она! Она избаловала тебя и плохо обучила!

Молань впервые в жизни отругал брат. Её глаза покраснели, она снова собиралась расплакаться.

Приблизившись к мужу, Лю Ши взяла его за руку.

— Что за разлад между мужем и четвёртой сестрой? Четвёртая сестрица просто вспомнила свою родную матушку, в этом нет ничего такого. Ладно, моему мужу нужно идти, его ждут во

внешнем дворе. Боюсь, отец один не справится с четырьмя зятьями, так что муж должен его поддержать!

— Получается, неважно, вернусь ли я пьяным? — с улыбкой спросил Чанфен.

— К возвращению мужа я сварю антипохмельный суп, — тихо сказала Лю Ши.

— Шестая сестрица, останься ещё ненадолго и поговори со своей невесткой, — мягко улыбнувшись, Чанфен повернулся к Минлань, а затем к Молань. — Твоя невестка беременна, будь благоразумна и не зли её! — сказав это, он развернулся и ушёл.

Молань разозлилась ещё сильнее, сжимая руками юбку, и, смотря на свои тонкие руки, пожалела, что не может разорвать ими брата и невестку. Почти сразу она выбежала прочь, сердитая, не зная, куда ей теперь пойти.

Минлань опустила голову, чтобы выпить чая, и сделала вид, что не заметила ничего этого. Они обсудили с Лю Ши несколько безобидных бытовых вещей. Речь Лю Ши была очень хороша. Она довольно быстро развеселилась, болтая об обычных вещах, а Минлань старалась не упоминать ни Чанфена, ни Молань, ни наложницу Линь.

Затем они ласково распрощались друг с другом и Минлань ушла. Дорога с мелким песком и гравием под ногами была хорошо ей знакома. Повернув налево, а затем трижды направо, Минлань с лёгкостью срезала путь до зала Шоу'ань, после чего с важным видом вошла внутрь. Пройдя до самой дальней внутренней комнаты, она увидела пожилую госпожу Шен, сидящую на кровати, и ласково смотрящую на спящего ребёнка.

Когда она услышала, что кто-то вошёл, она даже не обернулась.

— Посмотри на этого ребёнка, как крепко он спит... Он так не похож на тебя! Когда ты была ребёнком, ты просыпалась, даже если ветер шевелил занавески.

Улыбнувшись, Минлань наклонилась и потёрлась о бабушку щекой.

— Этот ребёнок похож на своего отца, он спит так крепко. Даже если его смоем водой в ров, он не узнает!

— Всё сделано? — обернувшись, с улыбкой спросила пожилая госпожа Шен.

— Я не хочу говорить об этом, мне действительно жаль, что я не умею летать, — Минлань села рядом с кроватью и положила голову на её руку. — Бабушка, я скучаю по тебе, — затем она огляделась. — А где малыш Цюань? Я принесла ему кое-что.

— Я собиралась сказать ему, чтобы он остался здесь и подождал тебя. Но сыновья Хуалань отправились играть на улицу, — пожилая госпожа Шен обняла Минлань и погладила её по голове. — Он не смог усидеть на месте. Я не знаю, куда ушли эти трое мальчиков.

— Послушный ли сейчас Цюань? — Минлань сделала вид старшего, беспокоящегося о младшем. — Хорош ли он хотя бы в половину того, какой я была в молодости?

— Это мальчишка ничем не лучше тебя! — не могла не улыбнуться пожилая госпожа Шен. — Когда он научился ходить, старшей служанке Фан пришлось найти целых трёх девушек, чтобы они следили за ним. Но когда он учится писать, у него точно такое же лицо, как у твоего старшего брата.

— Как сейчас дела у старшего брата? Я ничего не знаю, — хотя Шен Хун ничего не сказал сегодня, но, увидев, как оживлённо в поместье в день воссоединения семьи, он наверняка пожалел, что его старшего сына и невестки не было. — Хотя сейчас я кое-что вспомнила... В своём последнем письме невестка писала, что снова беременна, и считает дни. Прошло уже два месяца, и я не получила больше ничего. Я боюсь, что там не хватает врачей и лекарств.

— Меня тоже беспокоит, что писем давно нет, — кивнула пожилая госпожа Шен. — Я обсудила это с твоим отцом, и планирую послать туда двух способных служанок, но дорога не из лёгких, она безлюдна и трудна.

— Я тоже думала об этом, — улыбнулась Минлань. — Я обсуждала это с хоу некоторое время назад. Он сказал, что военное министерство отправит туда партию оружия, еды и лекарств после Нового Года. Можно попросить их взять с собой повозку нашей семьи. Нам стоит отправить их вместе. Это будет надёжнее, и можно будет не бояться, что они заблудятся.

— Мне не хотелось бы беспокоить твоего мужа, — хотя пожилая госпожа Шен произнесла это, её тон выражал искреннюю радость. — У твоего отца тоже была эта мысль, но он любит притворяться и часто отказывается просить о чём-то сам.

— Это потому, что папа умен. Он знает, что бабушка беспокоится о старшем брате больше, чем о нём, поэтому он счастлив сэкономить усилия в этот раз.

— Когда твой отец бывает не умен, — полунасмешливо отозвалась пожилая госпожа Шен.

Бабушка и внучка шутили над господином поместья Шен, и никакого давления не ощущалось.

— У третьего брата хорошая жена, — Минлань рассказала о сцене, свидетелем которой стала. — Четвёртая старшая сестра и третий старший брат снова обсуждали наложницу Линь, но ссора была прервана третьей невесткой. Третий старший брат также сделал выговор четвёртой старшей сестре.

Пожилая госпожа Шен не знала, радоваться ей или беспокоиться. Она снова нежно погладила Минлань по голове и вздохнула.

— Твой третий брат неплохой человек, но в нём нет внутреннего стержня. Сначала он слушал слова наложницы Линь, а теперь слушает слова своей жены. Увы. Но нам повезло, что привязанность к третьей невестки у него сейчас сильнее, чем к наложнице Линь.

Минлань погладила ногу своей бабушки как кошка.

— Нелегко видеть, что четвёртая сестра до сих пор много думает о наложнице Линь.

— Есть кое-что... — неожиданно произнесла пожилая госпожа Шен. — В начале осени Молань потеряла ребёнка...

Минлань была поражена услышанным, и даже приподнялась.

— Молань занята борьбой с наложницами. Она целыми днями думает и просчитывает ходы, и даже не знает, что забеременела... Увы, она слишком много думает, — сказав это, пожилая госпожа Шен замолчала, будто не знала, что ещё сказать. — Некоторое время назад Молань приходила к господину и просила его помочь её мужу с карьерой, — всё-таки продолжила она. — Наверное, она надеялась на мягкое сердце господина, но ничего не получилось.

— Отец всегда любил четвёртую сестру, — Минлань откинулась на подушку. — Но если он не согласился и на этот раз, он, должно быть, так и не простил её.

— Просто это дело похоже на гору, до которой не дотянуться рукой, — фыркнула пожилая госпожа Шен. — Он приходил ко мне и говорил со мной несколько раз, я знаю его мысли. Он пытался понять, может ли он попросить твоего мужа о помощи в этот раз, но я проигнорировала его.

— Отец дорожит своей репутацией, — горько улыбнулась Минлань. Даже если его зять был более влиятельным, чем он, он предпочитал делать вид, что всё зависит от него.

— Затем наложница Фан навестила его, и господин решил отвергнуть просьбу Молань, — добавила пожилая госпожа Шен.

— Наложница Фан? — изо всех сил попыталась вспомнить Минлань.

— В том году это была Цзюфан, разделившая постель с твоим отцом до окончания национального траура. Она служила в покоях наложницы Линь, — пожилая госпожа Шен криво улыбнулась. — С тех пор она так и не смогла забеременеть.

Сердце Минлань пропустило удар. Слова пожилой госпожи Шен звучали обыденно, но скрытый за ними смысл был невероятным.

Молань очень хочет вернуть наложницу Линь то ли потому, что мать и дочь глубоко привязаны друг к другу, и она не в силах смотреть на страдания собственной матери, то ли потому что никто не говорит ей хороших слов в семье, в которой она родилась. Некоторые и вовсе говорили ей плохие вещи. В любом случае, от её возвращения она не получит почти никакой выгоды, так в чём её план?

Люди действительно непредсказуемы.

— Кажется, у пятой сестры сейчас всё хорошо, — перевела тему Минлань.

Когда речь зашла о Жулань, выражение пожилой госпожи Шен перестало быть таким угрюмым.

— Наша пятая дочь — замечательный человек, — она не смогла сдержать смех. — Ты не знала? Госпожа Вень хотела жить с ней, чтобы быть тем, кто устанавливает правила, но кто же знал, что её сын давно отвернулся от воды, и что он тайком придёт на поиски тёщи! Как только нужные слова были сказаны, Ван Ши отправилась скандалить в семью Вень, а Жулань лишь притворялась жалкой. Ха, бедная свекровь! Ван Ши много чего сказала ей по поводу того, что она смеет устраивать сцены!

— Он достаточно умен, чтобы понять, что его жена злодейка! — Минлань была ошеломлена.

— Забудь, это не так-то просто. Достаточно и того, если он и дальше будет хорошо общаться с Жулань, — улыбка пожилой госпожи Шен была очень снисходительной, она вздохнула. — Но сегодня я увидела, что Вень тоже может быть хорош. Увы, твой отец посредственный муж, но зато неплохой сын и отец. Его выборы зятьёв и невесток очень хороши.

— Тогда мой отец всё время говорил, что хоу неплох, и что он убедился в этом своими глазами, за что почти был проклят бабушкой, — Минлань не смогла сдержать смех.

— Кто бы не говорил только хорошее о земле, которую хочет продать! — строго сказала пожилая госпожа шеен. — Хорошо-хорошо!

Бабушка и внучка обнялись и рассмеялись. Затем Минлань неожиданно расплакалась. Выплакавшись, она уткнулась головой в живот бабушки и прошептала:

— Было бы хорошо, если бы ты смогла жить со мной, бабушка.

— Теперь у меня на коленях есть и дети, и внуки, и правнуки, этот дом богат, — пожилая госпожа Шен похлопала Минлань по спине. — Если я буду жить с тобой, разве тем самым я не

дам пощёчину твоему отцу и старшему брату? Это невозможно, — она снова вздохнула. — Мало того, ты не можешь быть легкомысленной, вечно бегая в родительский дом, хоу Е теперь дворянин, у тебя умная голова. Много глаз смотрит на тебя изнутри и снаружи, и ты не должна позволять людям говорить лишнего... Мне достаточно знать, что у тебя всё хорошо. Приятно проводи время, помнишь?..

Минлань попыталась зарыться головой в бабушку, словно страус, и очень не хотела с ней расставаться.

Когда начался банкет, никто не знал, о чём говорила Ван Ши с Хуалань и Жулань, но их глаза были красными, плюс Молань, которая плакала раньше, плюс Минлань, которая только что плакала... У всех четырёх дочерей были красные глаза. По сравнению с меланхоличной атмосферой во внутреннем дворе, мужчины во внешнем дворе были куда более оживлёнными.

Глядя на стол, Шен Хун был одновременно счастлив и горд. Держа бокал с вином, он не мог не волноваться. Четвёртый зять Лян Хань уже подрался с Чан Феном. Он улыбнулся и повернулся, чтобы посмотреть на оставшихся трёх зятьёв.

Юань Веньшао знал, что Гу Тинье отлично умеет пить, но он смотрел на них обоих. Взгляд его так и говорил «будьте первопроходцами». Гу Тинье в ответ приподнял брови, намекая «ты старший, тебе и быть первым». Когда Вень Яньцзин понял, что ситуация не очень хорошая, он тут же наклонился, положил голову на стол и изо всех сил попытался изобразить крайнее опьянение.

— Этот человек пьян и должен позаботиться о себе, — пробормотал он. Чтобы усилить эффект он даже начал стонать.

После этого Гу Тинье сказа Минлань, что та, оказывается, щадила его много лет, ведь он впервые слышал такие реалистичные звуковые эффекты, когда кто-то притворялся пьяным и стонущим.

Четверо зятьёв попрощались один за другим, Минлань держала своего пьяного мужа слева, Жулань стояла справа, кормилица, стоящая позади, обнимала Туаня. Затем они вернулись в поместье хоу. В этот день все устали, поэтому сразу крепко заснули. Проснулись они затемно, поужинали, и отправились мыться.

Перед тем как снова лечь спать, Гу Тинье поцеловал Минлань в шею и двусмысленно улыбнулся. Минлань вытирала мокрые волосы, сидя на краю кровати, поэтому пискнула. Её тут же толкнули на кровать и шумно поцеловали, начав с головы и затем перейдя на тело.

Оставшись без одежды, Минлань почувствовала только то, что кожа и дыхание у мужчины горячее. Затем они оба уснули.

Только когда небо стало ярче, Минлань проснулась, и увидела своего мужа, лежащего на боку

и смотрящего на неё. Его взгляд был нежным и глубоким. Щёки Минлань казались такими же милыми, как щёки ребёнка, на её лице всё ещё были следы сна. Увидев, как она неуклюже протирает глаза и пытается проснуться, Гу Тинье внезапно ощутил теплоту в груди.

— Детка, что мы будем есть сегодня? — внезапно спросил он хриплым голосом.

— Хоу Е стоит вспахать два акра земли прежде, чем он получит еду! — улыбнулась Минлань.

— Какая жестокая жена, просящая мужчину работать в Новый Год! — с каменным лицом отругал её Гу Тинье.

Некоторое время они смотрели друг на друга и смеялись. Гу Тинье укусил Минлань за мочку уха и с улыбкой сказал:

— Давай...

Не успел он договорить, как снаружи послышались шаги. Лицо мужчины, который был в приподнятом настроении, вмиг стало несчастным.

— Хоу Е, главная госпожа! — раздался снаружи паникующий голос Даньдзю. — Только что пятый пожилой господин прислал слугу, чтобы сообщить... Сказали, что господин Тан... Сказали... Сказали, что всё плохо... Спрашивали, есть ли у нас старый женьшень?.. Чем старше, тем лучше...

Гу Тинье и Минлань ошеломлённо переглянулись. Гу Тинтан что, умирает?

Вне зависимости от разногласий между семьями, они были двоюродными братьями, которые разлучились чуть больше года назад. Они не могли быть равнодушными друг к другу.

Потребовалось около получаса, чтобы добраться до поместья пятой семьи. У Минлань была хорошая память, поэтому она с первого взгляда узнала повозку, стоящую снаружи, она должна была принадлежать госпоже Сюань. В этот момент в поместье пятой семьи уже царил хаос, и именно служанка, сопровождавшая госпожу Сюань, провела их куда нужно. Когда они достигли главного зала, Гу Тинсюань и его жена уже были там.

Они увидели пятого пожилого господина, сидящего во главе. Он сложил руки на коленях, лицо его было бледным и осунувшимся, а седые волосы взлохмачены. Увидев приближающегося Гу Тинье, он просто молча смотрел на него, а затем слегка поднял голову, так ничего и не сказав. Он был в отчаянии.

Гу Тинье и Минлань подошли и поприветствовали его, а затем Гу Тинье сказал:

— В нашем доме есть старый женьшень, мы послали слугу найти и принести его сюда. Я надеюсь, что его можно будет использовать. Я просто не знаю, что происходит. Что не так с братом Таном?

Пятый пожилой господин шевельнул губами, но ничего не сказал. Поняв, что ещё немного, и ситуация станет неловкой, Гу Тинсюань сделал шаг вперёд и, посмеиваясь, произнёс:

— Это случилось из-за того, что брат Тан совершил ошибку и разозлил дядю.

Очевидно, он также не знал причину и мог прояснить только этот момент.

Госпожа Сюань закатила глаза.

— Боюсь, вы не успели позавтракать, как поспешили сюда, — с улыбкой произнесла она. — Почему бы нам не пойти и не поесть рисовой каши? Брат Тан в порядке, просто наш дядюшка больше не может этого выносить, — договорив, она подошла к Минлань, и та с улыбкой согласилась.

Как только они вышли из зала, госпожа Сюань не могла дождаться момента, чтобы заговорить.

Минлань не была знакома с поместьем пятой семьи, но госпожа Сюань часто приезжала к ним в гости, и слуги были дружелюбны к ней. Кроме того, она сегодня прибыла очень рано, поэтому и попросила свою невестку выйти с ней. Поскольку пятая пожилая госпожа заболела, госпожа Тан потеряла сознание, а второму господину Бину и его жене пришлось остаться дома, чтобы заботиться о родителях, ни у кого не было времени, чтобы отдать приказ о неразглашении. Поэтому госпожа Сюань очень быстро узнала все новости.

— Это действительно грязно! — торопливо рассказывала госпожа Сюань. — Эти недостойные потомки... Даже те, кто живёт в отцовском доме!.. — это был не её скандал, поэтому она была счастлива пересказать всё Минлань и завоевать ещё немного её благосклонности.

На самом деле, случившееся не было удивительным. Прекрасные девушки и страсть с самого начала были слабостью Гу Тинтана. Но последние шесть месяцев его отец был настолько напряжён, что он не мог выйти, и в конце концов не смог справиться с этим.

Пятый пожилой господин — литератор, и он любит такие изящные вещи как красные рукава или благовония. Две служанки в доме, которые растирают чернила, были очень красивы и нежны. Их темпераменты были очень разными, поэтому одна из них была успешно изнасилована Гу Тинтаном и через несколько месяцев узнала, что беременна. Одна в данный момент заботилась о себе, а Гу Тинтан тем временем смотрел на другую. Вчера, во второй день первого лунного месяца, он был пьян, поэтому изнасиловал и её. Служанка в грязной одежде, с распущенными волосами, схватила ножницы и, пронзив горло, оборвала свою жизнь.

В праздничные дни Нового Года случилась кровавая трагедия, потому что один осёл не захотел разделить постель со своей наложницей, и изнасиловал служанку. Пятый пожилой господин, узнав об этом, был шокирован. Он связал Гу Тинъяна на месте, и хотел забить его до смерти, но пятая пожилая госпожа остановила его. В этот момент о происходящем узнала наложница и примчалась, несмотря на беременность. Увидев смерть той, которую считала своей сестрой, она подумала, что пятая пожилая госпожа не позволит ей жить после увиденного, и у неё случился выкидыш.

Пятый пожилой господин отказался снова послушать свою жену и немедленно приказал своему личному слуге держать Гу Тинтана и избил его. Пятая пожилая госпожа рыдала и проклинала его, говоря, что он убил наследника, потому что её сын выглядел так, будто вот-вот умрёт. В ответ пятый пожилой господин закричал, что из-за преступления, совершённого Гу Тинтаном, погибла Юлянь! А теперь это произошло снова!

— Весь двор слышал, как кричала служанка, — госпожа Сюань кашлянула, выражение её лица было немного неловким.

Служанка по имени Юлянь была подарена отцу Гу Тинье пожилой госпожой Цинь. Говорили, что она ему очень нравилась. После того как она бросилась в озеро, все подумали, что с ней что-то сделал Гу Тинье. Пожилая госпожа Цинь тогда особенно много плакала.

Вначале сын украл служанку своего отца и сделал её наложницей, хоть это и было скандальным поступком, в этом не было ничего такого. Служанка была всего лишь служанкой, желания наследника обычно были в приоритете. Теперь же произошла трагедия. Хотя и это преступление не считалось настолько тяжёлым, чтобы забивать господина семьи до смерти. Однако пятый дядюшка с большой любовью и уважением относился к своему умершему старшему брату. Из-за случившегося он понял, что в то время глубоко оскорбил достоинство своего брата. Вспоминая о прошлом, он не мог не чувствовать раскаяния.

Поэтому в этот раз он лично озаботился наказанием и сам лично избил своего сына палкой. Несмотря на то, что он был стар, его тело всегда было в хорошем состоянии. Хотя Гу Тинтан ел хорошую еду, его тело было много лет подвержено влиянию алкоголя. Поэтому на этот раз он был почти избит до смерти, у него поднялась высокая температура посреди ночи, и он мучился лихорадкой. Всем казалось, что он вот-вот умрёт.

Минлань была ошеломлена, когда услышала эту историю, но долго никак не реагировала.

Когда они нашли пожилую служанку, отвечающую за управление домом, и попросили её организовать еду, они медленно пошли обратно в главный зал. Придя, они увидели, что трое мужчин находятся в тех же позах, что и раньше. Пятый пожилой господин сидел, сторбившись, Гу Тинсюань, вздыхая, сидел рядом с ним, а Гу Тинье сидел один с другой стороны, безэмоциональный, как соляная скульптура.

Говоря по правде, Гу Тинтану в этот раз просто не повезло, но Минлань не была удивлена.

Насколько ей было известно, Гу Тинъе тайно следил за скандалами вокруг Гу Тинтана и планировал однажды нанести удар по репутации пятого пожилого господина. Но она никогда не думала, что всё произойдёт так быстро, и что ему не нужно будет никак в этом участвовать!

Все молча сидели, лишь Гу Тинсюань изредка говорил что-нибудь неуместное, потом смотрел на жену, смущался и хихикал. Изнутри Минлань, казалось, пожирал огонь: еду всё никак не несли, она была голодна, но могла только терпеть это.

Она не знала, как долго они просидели, когда толстую хлопчатобумажную занавеску энергично откинули в сторону, и внутрь ворвался пронизывающий холодный ветер. Внутрь вбежала охваченная паникой старая служанка, с глухим стуком опустилась на колени и провила:

— Пожилой господин!.. Господин... Он... Он ушёл!..

Во дворе невдалеке уже раздался отчаянный крик, взвыл ветер, словно произошедшее было результатом долгожданного предсказания. Огромный главный зал теперь казался пустым и безлюдным, все молчали, никто не издавал ни звука.

Минлань внимательно смотрела на Гу Тинъе, его профиль был холоден и суров, как серо-голубое небо. Он казался равнодушной статуе с прямыми линиями, высеченной стальным лезвием.

Он давно хотел преподать Гу Тинтану урок не только ради мести, но и для того, чтобы он перестал бездельничать снаружи и портить репутацию семьи Гу. Но думал ли он когда-нибудь о том, что хочет, чтобы он умер?

Спустя долгое время пятый пожилой господин двинулся и, издав хриплый стон, сухо произнёс:

— Устроим похороны.

Будда говорил, что добро и зло окупятся в конце.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648915>